

тѣ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ го-
 сударствѣ, за тридевять морей, въ триде-
 сятomъ королевствѣ, за многими островами,
 за дальними горами, за широкими рѣками,
 на ровномъ мѣстѣ, какъ на скатерти, стоялъ
 великій городъ, а въ томъ городѣ жилъ-былъ царь, по имени
 Ахридей, а по отцѣ прозывался Агеевичъ. Былъ онъ царь
 умный, разумный; богатства было у него безъ счету, воинства
 своего онъ и числа не зналъ; городовъ было у него подъ ру-
 кою сорокъ-сороковъ, а въ каждомъ городѣ было по десяти
 дворцовъ, съ серебряными дверями, съ золотыми потолками,
 съ хрустальными окнами. Совѣтъ его составляли двѣнад-
 цать мудрыхъ мудрецовъ; у каждого борода съ локоть, а
 ума палата, и всѣ царю правду говорили, а лгать изъ нихъ
 никто не смѣлъ. Какъ такому царю, кажется, не быть бы
 веселымъ и счастливымъ? Да, видно, ни богатство, ни му-
 дрость счастья не даютъ, если на сердцѣ кручина есть; а она,
 злодѣйка, и въ золотыхъ палатахъ гостить. Вотъ и царь Ахри-
 дей былъ и богатъ, и уменъ, да притомъ еще и такой былъ кра-
 савецъ, что ни вздумать, ни сгадать, ни перомъ написать,

ни въ сказкѣ сказать; но не могъ онъ сыскать себѣ по сердцу невѣсты, которая была бы такая же красавица, какъ самъ онъ, и о томъ царь Ахридей часто горевалъ и кручинился.

Сидить онъ однажды въ своихъ золотыхъ царскихъ креслахъ, думу крѣпкую думаетъ, и видитъ, что приплыли купцы-корабельщики, противъ его царскихъ палатъ на пристани остановились, бѣлые парусы подвизали, тяжелую котву корабельную въ море опустили, кидаютъ сходни съ корабля, хотятъ на берегъ выходить. Впереди всѣхъ идетъ купчина, старъ-человѣкъ, борода сѣдая. Вздумалось царю Ахридею: «гости-корабельщики—люди бывалые; по морямъ они плаваютъ, много диковинокъ видають. Дай спрошу у нихъ, не видали-ль они такой царевны, которая была бы такая же красавица и умница, какъ самъ я, царь Ахридей». И велѣлъ царь позвать къ себѣ гостей-корабельщиковъ въ свои царскіе чертоги. Пришли гости-корабельщики, Богу помолились, царю поклонились. Велѣлъ имъ царь подать по чаркѣ зелена вина. Выпили вино гости-корабельщики, бороды ширинками утерли и царь Ахридей началъ имъ говорить: «Вѣдомо намъ, что вы, корабельщики, по морямъ плаваете и много диковинокъ видите. Хочу васъ объ одномъ дѣлѣ спросить, а вы мнѣ отвѣтъ дайте, по правдѣ, по истинной!»—«Изволь, царь Ахридей Агеевичъ!» отвѣчали корабельщики, «скажемъ мы тебѣ правду сущую, о чемъ только насъ спросить повелишь!»—«А вотъ скажите вы мнѣ: не слыхали-ли вы, нѣтъ ли гдѣ у царей, у королей, у сильныхъ великихъ князей, дочери, такой красавицы и умницы, какъ я самъ, царь Ахридей, чтобы она была достойная мнѣ супруга и царству моему царица».

Задумались гости-корабельщики, думали-думали, и старшій изъ нихъ молвилъ царю: «слыхалъ я, что есть за моремъ далекимъ, на островѣ на Бузанѣ, сильное царство, и у царя Бузанскаго есть дочь, царевна Елена, такая красавица, что ужъ вѣрно не хуже тебя, и такая умница, что премудрую загадку ея въ три года съдой мудрецъ не отгадаетъ». — «А далеко-ли тотъ островъ, и куда къ нему путь лежитъ?» — «Островъ тотъ не близко», отвѣчалъ корабельщикъ, «моремъ ходу къ нему отселѣ десять лѣтъ, а пути къ нему мы не знаемъ; да если бы и знали мы къ нему путь, такъ тебѣ, царю Ахридею, царевна Елена — не невѣста». Разсердился царь Ахридей, говорить: «какъ смѣлъ ты мнѣ, кучинна, такія рѣчи говорить!» — «Воля твоя надъ нами царская; а ты самъ только то разсуди: пошлешь ты на островъ Бузанъ посла — десять лѣтъ ему плыть до Бузанскаго острова, да десять оттуда; а вотъ ужъ и двадцать лѣтъ. А къ тому времени царевна Елена и состарѣется—вѣдь красота дѣвичья, словно ласточка перелетная — гостить не долго». Задумался царь Ахридей.... «Хорошо!» сказалъ онъ гостямъ-корабельщикамъ. «Спасибо вамъ, гости заѣзжіе, люди торговые; идите съ Богомъ; торгуйте въ царствѣ моемъ безъ дани, безъ пошлины, а ужъ я самъ свою царскую думу о царевнѣ Еленѣ безъ васъ додумаю» Поклонились ему гости-корабельщики низко, и пошли изъ царскихъ палатъ, а царь Ахридей сидитъ, да думаетъ думу свою, словно клубки разматываетъ, а до конца ея все-таки не домотаетъ.

Грустно ему стало, невесело; велѣлъ онъ собираться своимъ царскимъ сокольникамъ и гречетникамъ. «Поѣ-

ду», говорить, «размычу думу сердечную по чисту полю; повеселюсь, потѣшусь, а тамъ авось, утро вечера будетъ мудренѣе!» Затрубили сокольники и кречетники въ золотые рожки, взяли на руки соколовъ, выѣхали съ царемъ Ахридеемъ въ чистое поле; смотреть: не полетитъ-ли гдѣ цапля долгоногая, пустить бы на нее яснаго сокола.

Вотъ—скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается — ѣдетъ-ѣдетъ царь Ахридей по полю со своею царскою охотою и пріѣхалъ онъ къ дубравѣ зеленой; смотреть: подъ дубравою все поле засѣяно бѣлояровой пшеницей, съ золотыми колосьями; остановился, смотреть, любитъся. «Вотъ», говорить, «видно добрые тутъ работники поле пахали и засѣяли. Если бы въ моемъ царствѣ всѣ поля были такъ засѣяны, такъ хлѣба народу моему и во вѣкъ не съѣсть-бы; было бы что и за море послать, а изъ-за моря вывезть за него серебра и золота». И велѣлъ царь Ахридей узнать: чье-такое тутъ поле съ пшеницей бѣлояровой? Поскакали его ловчіе, доѣзжачіе, смотреть: сидятъ семь мужиковъ, молодецъ къ молодцу, что кровь съ молокомъ, обѣдаютъ по обычаю крестьянскому, ѣдятъ ржаной хлѣбъ съ водицей; рубахи на нихъ красныя съ золотымъ позументомъ, и всѣ семеро молодцы одинъ на другого такъ похожи, что и различить ихъ не вѣсть какъ. Вотъ и спрашиваютъ у нихъ царскіе посланцы: «чье такое поле тутъ у васъ засѣяно пшеницею бѣлояровой съ золотыми колосьями?» Отвѣчаютъ семь мужиковъ-молодцовъ: «Наше то поле, мы его пахали, мы и засѣяли». — «А вы что же такіе за люди?» — «Царя Ахридея работники, мужички-землепашцы, всѣ родные братья, одного отца, одной матери

дѣти, и зовуть насъ всѣхъ Симеопами». Донесли посланцы отвѣтъ мужиковъ царю Ахридею, и въ тѣ поры захотѣлось царю посмотрѣть на такихъ своихъ мужичковъ, добрыхъ землепашцевъ-работниковъ; велѣлъ онъ позвать ихъ предъ свои царскія пресвѣтлыя очи. Пришли семь молодцовъ, царю поклонились, и сталъ ихъ царь спрашивать: «что вы за люди такіе и ваше-ли тутъ поле засѣяно пшеницей бѣлояровой съ золотыми колосьями?» Отвѣчалъ ему одинъ изъ семи молодцовъ: «Мы, царь Ахридей, твои работники, мужики-простяки не ученые, землепашцы-пахари урожденные, одного отца и одной матери дѣти, а зовуть насъ всѣхъ Симеопами. Училъ насъ отецъ-старикъ Богу молиться, тебя царя слушаться, податъ платить казенную исправно, да поле пахать безъ устали. Училъ онъ насъ и ремеслу разному, по старинной пословицѣ: ремесла за плечами не носятъ, а съ нимъ добро; а ремесло то велѣлъ онъ въ запасъ на черный день беречь, а намъ—не оставлять своего поля родимаго, жить дружно, да пахать-боронить не лѣниться. «Коли», говорилъ, «матери-земли не забудешь, хорошо ее пропадешь, да въ пору посѣешь, такъ она, мать родимая, тебя наградить сто-рицею и хлѣбомъ прокормить, и мѣстечко мягкое на покой тебѣ приготовить, когда устанешь ты жить, да состарѣешься». Полюбился простой мужицкой отвѣтъ царю Ахридею.—«Исполать», говорить, «вамъ, добрые молодцы, пахари-землепашцы, что пшеницу вы сѣете, а золотомъ она у васъ выходитъ. Ну, а скажите вы мнѣ, какимъ ремесламъ отецъ васъ училъ и что вы такое знаете?» Отвѣчаетъ первый Симеонъ: «ремесло у меня, царь Ахридей, не

мудренное: если дашь ты мнѣ снарядъ, да работниковъ, такъ я выстрою тебѣ столбъ бѣлокаменный выше облаковъ, чуть не до неба». — «Хорошо», сказалъ царь Ахридей: «а ты, второй Симеонъ, тебя какому ремеслу учили? Сказывай?» — Отвѣчаетъ второй Симеонъ: «ремесло у меня, царь Ахридей, не хитрое; если братъ мой столбъ тебѣ бѣлокаменный выстроить, такъ взойду я на тотъ столбъ, въ самое поднебесье и увижу оттуда всѣ царства въ подсолнечной, и расскажу тебѣ, что въ каждомъ царствѣ дѣется». — «Хорошо», сказалъ царь Ахридей: «а ты, третій Симеонъ, какое ремесло вѣдаешь?» Отвѣчаетъ третій Симеонъ: «у меня, царь Ахридей, ремесло простое, мужицкое, не затѣйное. Надобны тебѣ корабли и строить ихъ у тебя мастера ученые, люди заморскіе, со всякою хитростью; а коли повелишь, такъ я стану ихъ тебѣ строить по-просту: тянь да ляпъ, и готовъ корабль! А корабли мои будутъ не корыстные, мужицкая самодѣльщина: гдѣ заморскій корабль годъ идти, тамъ мой корабль только часъ плыветъ; а гдѣ десять лѣтъ, тамъ онъ въ недѣлю поворотится». — «Хорошо», отвѣчалъ царь Ахридей: «а ты, четвертый Симеонъ, чему учился и какое ремесло ты вѣдаешь?» — Отвѣчаетъ четвертый Симеонъ: «ремесло мое, царь Ахридей, не великое. Выстроить тебѣ братъ мой корабль, и поплыву я на томъ кораблѣ, и если непріятель за нимъ погонится, или буря на морѣ разыграется, ухвачу я твой корабль за черный носъ, уведу его въ море, туда, гдѣ тишь-глубина недоступная, а потомъ, какъ буря стихнетъ, непріятель пробѣжитъ, опять тебѣ выведу его на морское раздолье широкое». — «Хорошо», сказалъ царь Ахридей: «а ты, пятый Симеонъ,

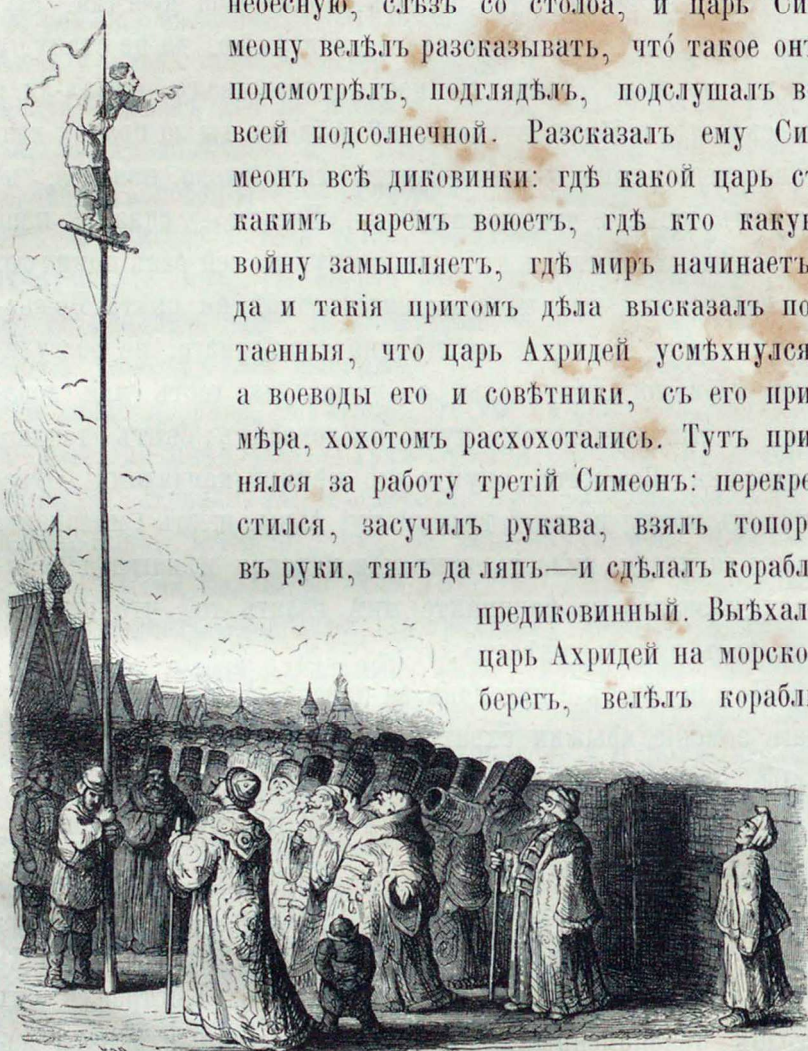
что ты знаешь? Какому ты ремеслу выученъ?» — Отвѣчаетъ пятый Симеонъ: «мое ремесло, царь Ахридей, не бѣлоручное, а черное кузнечное: вели миѣ построить кузницу, такъ я выкую тебѣ ружье-самопаль — и ни подѣ небомъ орелъ, ни въ лѣсу лютый звѣрь отъ того самопала необоронятся, и что только глазъ завидитъ, такъ ужъ то будетъ подстрѣлено». — «Хорошо», говоритъ царь Ахридей; «теперь ты миѣ скажи, шестой Симеонъ, ты какое ремесло вѣдаешь?» — Отвѣчаетъ шестой Симеонъ: «ремесло мое, царь Ахридей, и сказать-то совѣстно! А таково оно, что если подстрѣлить что братъ мой самопаломъ своимъ, въ лѣсу-ли, въ поднебесьѣ-ли, не допущу я подстрѣленного до земли, подхвачу лучше гончей собаки: упадетъ въ море — достану со дна морского, упадетъ въ лѣсу дремучемъ — отыщу темной полуночью, зацѣпится за облако — отцѣплю и съ облака». — Полюбились царю Ахридею ремесла шести Симеоновъ, простыя, не мудрыя, не хитрыя; понравились и рѣчи ихъ мужицкія; говоритъ онъ имъ: «спасибо вамъ, мужички-земляны-рабочники! Правду вашъ отецъ говорилъ, что ремесло за плечами не носить, а съ нимъ добро. Идите вы за мной въ мой стольный царскій городъ на испытаніе; такіе люди, какъ вы, миѣ надобны. А прійдетъ пора хлѣбъ вамъ жать, въ снопы вязать, на току молотить, на базаръ возить, отпущу я васъ тогда съ моей царской милостью?» — И всѣ семь Симеоновъ царю Ахридею низко поклонились: — «воля твоя», говорятъ, «царская, а мы твои работники». Тутъ вспомнилъ царь Ахридей, что у седьмага-то Симеона онъ еще ничего не спрашивалъ, и говоритъ ему: «а ты, седьмой Симеонъ,

что же ты молчишь, ничего мнѣ не сказываешь? Ты какое ремесло вѣдаешь?»—Отвѣчаетъ седьмой Симеонъ: «ремесла у меня, царь Ахридей, никакого нѣту; чему я ни учился—впрокъ все не шло; а хоть и есть у меня ремесло, да оно завѣтное, и не знаю понравится-ли оно твоему царскому изволенію?» — «Говори», сказалъ царь Ахридей, «что за ремесло у тебя такое завѣтное!» — «Нѣтъ, царь Ахридей Агеевичъ, ты сперва дай мнѣ слово твое царское, что не казнишь меня, а помилуешь за мои рѣчи, тогда и ремесло мое я тебѣ выскажу». — «Будь по твоему: даю тебѣ слово царское, завѣтное: что ты ни скажешь, не казню тебя, но помилую».—Тутъ седьмой Симеонъ оправился, оглянулся, кашлянулъ, и говоритъ: «ремесло мое, царь Ахридей, такое завѣтное, что за него въ твоёмъ царствѣ казнятъ, а не жалуютъ: одно умѣю я, добрый молодецъ, на одно гораздъ—воровать; да краденому концы хоронить. Нѣтъ такого клада заклѣятаго, нѣтъ такого замка заговоренаго, нѣтъ такой кладовой замурованной, откуда не укралъ бы я, что только мнѣ захочется». И вотъ расходился и разгнѣвался царь Ахридей: «нѣтъ», говоритъ, «я тебя злодѣя-вора не помилую; велю тебя казнить злою смертію, велю тебя заковать въ кандалы желѣзные, брошу тебя въ подземельную темницу на сухой хлѣбъ да на водицу, пока ты ремеслу своему не разучишься». — «Царь Ахридей! не вели казнить, дай слово вымолвить», отвѣчалъ седьмой Симеонъ: «не пойманъ — не воръ, говоритъ старая пословица; да и не тотъ еще воръ, кто воруетъ, а тотъ воръ, кто ворами потакаетъ. Хотѣлъ-бы я воровать, давно бы укралъ и всю твою казну царскую, съ судьями

твоими подѣлился бы, а на остальное бѣлокаменные палаты себѣ выстроилъ; да, видишь, такая моя простая, глупая порода мужицкая:—воровать я и умѣю, да не стану, а когда ты меня о ремеслѣ моемъ спрашивалъ, смѣлъ-ли я не сказать тебѣ правду сущую? А коли ты за правду казнишь меня, такъ гдѣ же будетъ твое слово царское: не казнить меня, а помиловать?» — «Хорошо», сказалъ царь Ахридей, «казнить я тебя не стану, на сей разъ помилую; да только отъ сего часа не видать тебѣ ни свѣта Божьяго, ни солнца яснаго, ни мѣсяца серебрянаго; не разгуливать тебѣ по чисту полю, а будешь ты, гость мой дорогой, въ такой палатѣ, куда не доходитъ свѣтъ теплаго солнышка. Возьмите, скуйте его цѣпями-кандалами! Отведите къ моему воеводѣ тюремному! А вы, шесть Симеоновъ, идите за мною: милость вамъ моя царская и награда великая, и завтра-же начинайте мнѣ дѣлать то, что каждый изъ васъ дѣлать умѣетъ».

Пошли шесть Симеоновъ за царемъ Ахридеемъ, а седьмого земскіе ярыжки схватили, увели и заковали въ кандалы, посадили въ темницу, на хлѣбъ на водицу. Велѣлъ царь Ахридей дать первому Симеону плотниковъ, каменщиковъ, кузнецовъ, работниковъ, кирпича, камня, желѣза, глины и извести. И сталъ Симеонъ столбъ строить, и у него, по обычаю простому мужицкому, работа подъ рукой горитъ, а въ рукахъ дѣло кипитъ. Выстроилъ онъ столбъ бѣлокаменный, за облака, подъ самыя звѣзды наибольшія, а мелкія звѣзды ниже его ходятъ, а сверху люди такіе крошечные кажутся, словно мурашки по землѣ бѣгаютъ. Второй Симеонъ, послѣ того, взлѣзъ на столбъ, посмо-

трѣлъ, поглядѣлъ, послушалъ на всю под-
небесную, слѣзъ со столба, и царь Си-
меону велѣлъ рассказывать, что такое онъ
подсмотрѣлъ, подглядѣлъ, подслушалъ во
всей подсолнечной. Разсказалъ ему Си-
меонъ всѣ диковинки: гдѣ какой царь съ
какимъ царемъ воюетъ, гдѣ кто какую
войну замышляетъ, гдѣ миръ начинается,
да и такія притомъ дѣла высказалъ по-
таенныя, что царь Ахридей усмѣхнулся,
а воеводы его и совѣтники, съ его при-
мѣра, хохотомъ расхохотались. Тутъ при-
нялся за работу третій Симеонъ: перекре-
стился, засучилъ рукава, взялъ топоръ
въ руки, тяпъ да ляпъ—и сдѣлалъ корабль
предиковинный. Выѣхалъ царь Ахридей на морской
берегъ, велѣлъ кораблю

отъ пристани отваливать. И поплылъ корабль, что твой
соколъ бѣлокрылый — изъ пушечекъ стрѣляетъ, а на мач-
тахъ струны вмѣсто снастей, и гудочки на нихъ смыч-

ками пѣсни наигрываютъ. И вотъ, какъ выплылъ корабль въ чистое море, четвертый Симеонъ ухватилъ его за носъ—будто и не бывало корабля: весь подъ воду ушелъ, словно камень въ воду нырнулъ, а черезъ часъ Симеонъ вывелъ его изъ глубины моря лѣвой рукой, а правой вытащилъ еще въ придачу, со дна моря, рыбу великую, царю Ахридею на кулебяку, на его лакомый столъ. Пока царь Ахридей кораблемъ потѣшался, на его царскомъ дворѣ пятый Симеонъ построилъ кузницу, дуетъ въ мѣхи, калитъ желѣзо, бьетъ молотами — и выковалъ ружье-самопалъ. Царь Ахридей отправился на поле чистое, и видитъ подъ самыми небесами, чуть видѣнъ, будто очко на тузѣ, летитъ орель-птица — на солнце смотреть. «Ну, вотъ», говоритъ царь Ахридей пятому Симеону, «орель на солнце заглядѣлся—стрѣляй въ него; авось попадешь, такъ я тебя пожалую!» Усмѣхнулся Симеонъ, закатилъ въ самопалъ пулю серебряную, приложился, хлопнулъ, и полетѣлъ орель изъ подъ облаковъ вверхъ ножками; а шестой Симеонъ его и до земли не допустилъ — подбѣжалъ съ блюдомъ, подхватилъ на блюдо и поднесъ царю Ахридею. — «Ну, спасибо вамъ, добрые молодцы, мужички мои, земляшцы-работнички!» сказалъ царь Ахридей. «Вижу я, что всѣ вы люди ремесленные, и за то я васъ пожалую; ступайте вы теперь обѣдайте, да отдохните». Тутъ шесть Симеоновъ царю низехонько поклонились, Богу помолились, засѣли за столъ, выпили по чаркѣ вина, принялись горячія щи хлебать, анъ смотрятъ: бѣжить къ нимъ царскій шутъ, шапкой полосатой машетъ, побрякушками звенить. «Полно вамъ», говоритъ, «олухи-неучи деревенскіе — то-ли время

нашли, обѣдать вздумали! Ступайте скорѣй! Царь Ахридей васъ спрашиваетъ!»

Побѣжали шесть Симеоновъ въ царскія палаты, не опомнясь, думаютъ: «что за бѣда такая случилась?» Смотрятъ: у дверей стоятъ царскія копѣйщики съ усами такими длинными, и съ коньями желѣзными, и въ палатахъ собраны всѣ воеводы и мудрые совѣтники, и самъ царь Ахридей сидитъ, нахмурился и задумался. «Послушайте», говоритъ онъ, «вы, мои мужички-работнички, удалые братья Симеоны! Доволенъ я вашими ремеслами, да вотъ мои воеводы и мои совѣтники придумали, что если ты, второй Симеонъ, можешь со столба своего все въ подсолнечной видѣть, такъ полѣзай ты скорѣе на столбъ и погляди, не увидишь-ли ты,—есть, говорятъ, гдѣ-то за моремъ великимъ островъ Бузанъ; а на томъ острову—царство сильное, а въ томъ царствѣ, у царя Бузанскаго, дочь, царевна Елена Прекрасная». Поклонился второй Симеонъ, побѣжалъ скорѣй и шапку у царя въ палатахъ забылъ; взлѣзъ на столбъ, посмотрѣлъ поглядѣлъ во всѣ стороны, сошелъ со столба и доносить царю Ахридею:

— «Царь Ахридей Агеевичъ! Царское твое велѣнье я исполнилъ, и за море великое Окіянъ глядѣлъ и островъ Бузанъ видѣлъ. Силенъ тамъ царь царствуетъ, да только и гордъ больно, и немилостивъ. Сидитъ во дворцѣ своемъ и говоритъ такія рѣчи: «есть у меня дочь, царевна Елена, и нѣтъ въ мірѣ никого красивѣе ея и премудрѣе, и нѣтъ ей жениха достойнаго въ подсолнечной, ни царя-царевича, ни короля-королевича. Ни за кого не отдамъ я моей царевны Елены, а кто будетъ за нее свататься, на того я войной пойду, царство его раззорю и самого его въ полонъ полоню!»

— «А велика-ли сила царя Бузанскаго?» спросилъ царь Ахридей, «и далеко-ли царство его отъ моего царства?» — «Да глазомѣрно такъ прикинуть», отвѣчалъ Симеонъ, «такъ плыть къ нему отъ твоего царства десять лѣтъ безъ двухъ дней, а если буря на морѣ разыграется, такъ и съ хвостикомъ десять лѣтъ будетъ. А у царя Бузанскаго видѣлъ я, учится войска на чистомъ полѣ не гораздъ много: сто тысячъ копѣйщиковъ, да сто тысячъ панцирниковъ, да дружины царской, стольниковъ, сайдачниковъ и всякой дряни наберется сто тысячъ; да еще не малая дружина богатырская, запасная, ни куда не ходить, а на всякой случай ее холятъ да откармливаютъ».

Задумался царь Ахридей. Долго думалъ, да потомъ и говорить: «мои воеводы-совѣтники! Хочу я получить себѣ царевну Елену въ супружныцы, да какъ мнѣ добыть ее?» Молчатъ воеводы-совѣтники, другъ за дружку хоронятся. И началъ говорить третій Симеонъ: «царь Ахридей! Прости ты мое слово простое, мужицкое... Какъ тебѣ къ острову Бузану доплыть—думать много и кручиниться нечего: садись на мой корабль. Вѣдь онъ строенъ попросту, не по заморскому: гдѣ годъ плыть, тамъ онъ день плыветъ, а гдѣ десять лѣтъ, тамъ недѣлей изворотится; а пускай только придумаютъ твои совѣтники, какъ у царя Бузанскаго, войной-ли царевну взять, или полюбовнымъ миромъ высватать?»

— «Ну, мои воеводы храбрые, мои совѣтники мудрые», сказалъ тогда царь Ахридей, «какъ вы теперь тутъ разумомъ раскинете: кто изъ васъ поплыветъ царевну Елену войной добывать или миромъ получать? Осыплю я того золотомъ-серебромъ, дамъ ему первый почетъ передъ первыми!»

Опять молчать воеводы и совѣтники.

Больно нахмурился тогда царь Ахридей, хочетъ вымолвить слово грозное, немилостивое...

И вотъ, какъ будто кто дурака спрашивалъ—выскочилъ впередъ царскій шутъ изъ-за умныхъ людей съ дурацкою рѣчью, тряхнулъ колпакомъ полосатымъ, зазвенѣлъ шутовскими побрякушками. «Что вы задумались, воеводы и совѣтники», говорить, «головы вы большія, бороды у васъ длинныя; не занимать вамъ, кажется, стать ума, а на сей разъ что васъ отуманило? Плыть къ Бузану острову, добыть царю Ахридею невѣсту — ни злата терять не надобно, ни храбраго воинства. Забыли вы развѣ пословицу: жигуча крапива родится, да во щахъ уварится. Что вы не пошлете туда седьмаго Симеона? Авось онъ царевну Елену украдетъ; а тамъ пусть себѣ царь Бузанскій ѣдетъ воевать съ нами — десять лѣтъ ему плыть до нашего царства, а въ десять лѣтъ, у какого-то заморскаго царя, какой-то мудрецъ брался коня говорить выучить!»

— «Ахти, и въ самомъ дѣлѣ!» сказала царь Ахридей. «Спасибо тебѣ, шутъ-дуралей полосатый! Велю уже я тебя наградить: велю тебѣ сшить новую дурацкую шапку, а дѣтямъ твоимъ дамъ по прянику. Бѣгите скорѣе, ведите ко мнѣ седьмаго Симеона!»

По царскому велѣнью, отворились двери тюремныя, тяжелыя, желѣзныя; сняли съ седьмаго Симеона кандалы семи-пудовыя; взяли его, повели къ царю Ахридею, и началъ ему царь Ахридей говорить:

— «Слушай ты, седьмой Симеонъ — хотѣлъ было я тебя пожаловать: хотѣлъ вѣкъ въ тюрьмѣ продержатъ на гото-

вомъ хлѣбѣ. Ну, а вотъ, если ты мнѣ службу сослужишь, ужъ такъ и быть, я тебя на волю изъ тюрьмы выпущу, да еще и изъ казны моей царской награжу. Можешь-ли ты мнѣ украсть у царя Бузанскаго дочь его, царевну Елену Прекрасную?»—«Да почему же, царь Ахридей, не украсть?»—отвѣчалъ Симеонъ; «царевну Елену украсть мнѣ и думу думать нечего. Вѣдь она не жемчужина, не за тремя замками заперта! Вели только тотъ корабль, что сдѣлалъ тебѣ братъ мой, третій Симеонъ, нагрузить парчей, бархатомъ, коврами персидскими, жемчугомъ перекатнымъ, камнями самоцвѣтными, да отпусти меня съ четырьмя средними братьями; а двухъ, пожалуй, оставь у себя въ заложникахъ».

И вотъ всходилъ царь Ахридей, велѣлъ готовить корабль, грузить, ладить; разбѣгались всѣ его воеводы и совѣтники: мигомъ все поспѣло. По царскому велѣнью все такъ скоро сладили, что стриженной косы заплестъ не успѣешь; нагрузили корабль парчей, бархатомъ, коврами персидскими, жемчугомъ перекатнымъ, камнями самоцвѣтными. Пять Симеоновъ царю Ахридею раскланялись, сѣли на корабль, распустили паруса—только ихъ и видѣли!

Махнулъ корабль по морю великому, летитъ соколомъ, обгоняетъ гостей-корабельщиковъ, и гдѣ они годъ плывутъ, тамъ онъ день идетъ. Въ субботу отъ царя Ахридея отпущекъ Симеоны приняли, а на другую субботу, смотреть—на морѣ чернѣется Бузанъ островъ, весь пушками, словно горохомъ усыпанный; богатыри-усачи щепетно по берегу ходятъ, усами пошевеливаютъ, а съ царскихъ чертоговъ, съ башни высокой закричали на корабль зычнымъ голосомъ въ нѣмецкую трубу: «стой! Бросай якорь! Давай от-

вѣтъ: что за люди? Зачѣмъ сюда приплыли?» Отвѣчалъ съ корабля седьмой Симеонъ: «люди мы мирные, не военные, гости-корабельщики; приплыли къ вамъ на островъ Бузанъ, привезли всякаго узорочья, товара заморскаго, продавать, покупать, шило на мыло, корицу на пшеницу мѣнять,—а царю и царевнѣ вашей подарки хотимъ поднести».

Спустили Симеоны лодку на море, положили въ нее парчей, бархатовъ, жемчугу перекатнаго, каменья самоцвѣтнаго, ковровъ персидскихъ; къ берегу причалили, понесли дары въ царскій теремъ, къ царю и къ царевнѣ Еленѣ Прекрасной. Сидитъ царевна Елена въ красномъ терему своемъ, такая дородная, такая пригожая, очи соколы, брови соболя, — поглядить, что рублемъ подарить, а идти, будто лебедь плыветъ.

Увидала царевна Елена Симеоновъ, кликнула своихъ нянюшекъ-мамушекъ, своихъ сѣнныхъ дѣвушекъ. «Подите, мои нянюшки-мамушки, сѣнныя дѣвушки, узнайте, что тамъ за люди такіе въ нашъ царскій теремъ идутъ?» Выбѣжали нянюшки-мамушки—сѣнныя дѣвушки, спрашиваютъ у Симеоновъ, и отвѣчаетъ имъ седьмой Симеонъ: «мы гости-корабельщики, люди мирные, торговые, изъ царства царя Ахридея, приплыли торговать, покупать, продавать, промѣнивать, а несемъ мы царю и царевнѣ бездѣлки разныя, авось насъ царь пожалуетъ—велитъ принять хоть на уборы своимъ сѣннымъ дѣвушкамъ». Услышала царевна Елена такія рѣчи, велѣла позвать къ себѣ Симеоновъ; пришли они, царевнѣ поклонились, развернули парчи, барха-

ты, разсыпали жемчуги перекастные, разложили каменья самоцвѣтные, какихъ въ Бузанскомъ царствѣ и не видано, и не слыхано. Взъахались нянюшки-мамушки, сѣнныя дѣвочки, залюбовалась и царица Елена, а седьмой Симеонъ началъ рѣчь говорить: «царица Елена Премудрая! шутишь ты надъ нами или издѣваешься: что тутъ за узорочья, что тутъ за парчи, за бархаты! Вели ихъ принять твоимъ сѣннымъ дѣвочкамъ, жемчугомъ хоть нянюшкамъ позатыльники вынизать, а дорогими каменьями такими хоть поваренкамъ, вмѣсто бабокъ, играть. А вотъ, если сказать повелишь: есть у насъ на кораблѣ ткани многоцвѣтныя, и есть жемчуги и каменья горящіе, да не смѣли мы выбрать ихъ: не знали, угодимъ ли мы тебѣ по нраву твоему нѣжному, по желанью твоему сердечному? Не разсудишь-ли ты сама къ намъ на корабль пожаловать, выбрать, что тебѣ приглянется; а мы тебѣ челомъ бьемъ, хоть цѣлымъ кораблемъ, за то одно, что удостоишь видѣть очи твои ясныя, прекрасныя!» Понравилась царицѣ рѣчь такая учтивая; пошла она къ отцу своему, царю Бузанскому, говорить: «царь-государь! вотъ пріѣхали къ намъ гости-корабельщики и привезли товары-узорочья диковинныя. Позволь мнѣ прогуляться на ихъ корабль, выбрать, что мнѣ понравится; да и тебѣ привезли они дары богатые!» Царь Бузанскій подумалъ-подумалъ, лобъ поморщилъ, за ухомъ почесалъ. — «Хорошо», говоритъ, «дочь моя, царица Елена Прекрасная! Подите, воеводы мои, велите приготовить корабль мой царскій со ста пушками, да снарядите на него сто богатырей, да прибавьте къ нимъ тысячу дружины моей съ бердышами, и пусть проводятъ они

царевну Елену Прекрасную на корабль къ гостямъ-корабельщикамъ.

И двинулся отъ берега Бузанскаго царскій корабль. Много на немъ сидить дружины и богатырей, много и пушекъ самопальныхъ; подошли къ кораблю братьевъ Симеоновъ; сошла царевна Елена по шелковой лѣстницѣ, взошла на корабль по хрустальной сходищѣ съ своими нянюшками и мамушками. Седьмой Симеонъ повелъ ихъ по своему кораблю, началъ имъ сказки разсказывать, товары показывать,—и засмотрѣлась, заглядѣлась, заслушалась царевна Елена. А въ то время четвертый Симеонъ не промахнулся—ухватилъ корабль за черный носъ, и слѣдъ его простылъ: пошелъ корабль ко дну моря, въ глубину морскую, туда, гдѣ тишь-пучина недоступная. Бузанскіе корабельщики заревѣли необычнымъ голосомъ; дружина царская стоитъ, уши повѣсила, словно охмѣлѣла, а богатыри только глазами хлопаютъ. Поворотили корабль свой носомъ къ берегу,

идутъ къ царю Бузанскому, говорятъ ему о бѣдѣ, неожиданной, неслыханной. Какъ взвостъ, взрыдаетъ царь Бузанскій: «дочь ты моя, царевна Елена пенаглядная! Наказалъ меня Богъ за мою гордость: не находилъ я тебѣ жениха достойнаго, ни царя-царевича, ни короля-королевича; а вотъ

теперь повѣнчалась ты съ морскою пучиною, оставила ты меня сиротою на старости лѣтъ». Да какъ рывкнетъ онъ на дружину, на богатырей своихъ: «а вы, дурачье, чего смотрѣли? Головы вамъ всѣмъ долой! Бросьте ихъ за заклёпы

желѣзные, да придумайте мнѣ, какъ казнить ихъ, такъ, чтобы впередъ не повадно было ни дѣтямъ ихъ, ни вну чатамъ!»

Пока Бузанскій царь сердился и горевалъ, корабль Симеоновъ, будто рыбка золотоперая, плылъ подь моремъ, и какъ не стало уже видно Бузана острова, четвертый Симеонъ вывелъ его на море, и вынырнулъ онъ словно чайка бѣлокрылая, на волны широкія. Тутъ и царица Елена одумалась: «ахти», говоритъ, «нянюшки мои, мамушки! Засмотрѣлись мы, заглядѣлись; а ужъ времени-то много прошло—не осердился-бы, не разгнѣвался-бы мой родной батюшка!» Вотъ и вышла она на верхъ корабля; глядь—а море кругомъ, что твое зеркало—ни Бузана острова, ни корабля Бузанскаго слыхомъ не слыхать, видомъ не видать! Ахнула царица Елена Прекрасная, ударила себя руками по бѣлой груди, обернулась бѣлою лебедью и полетѣла по поднебесью. Тутъ пятый Симеонъ не давалъ зѣвка—хватъ свое самоналъ-ружье, подстрѣлилъ бѣлую лебедку, а шестой Симеонъ не допустилъ ее до моря, принялъ на корабль, и только что хотѣлъ пустить на волю, какъ лебеди не стало—рыбка юркнула серебряная! Не сплосалъ Симеонъ, схватилъ рыбку, анъ и рыбки какъ не бывало, а черная мышка по кораблю бѣжить, да и Симеонъ не промахъ былъ: не далъ ей до норки добраться, лучше кошки прыгнулъ, поймалъ ее,—и стала тогда царица Елена по прежнему, красною дѣвицей, бѣлолицей, круглолицей, такой раскрасавицей, что три дня гадай и думай, такъ не взгадаешь и не вздумаешь.

Вотъ, рано утромъ, сидитъ царь Ахридей Агеевичъ, думу

свою думаетъ, глядитъ въ окошко хрустальное, глазъ съ моря не сводить; не спится ему, невесело его ретивому сердцу, не милы ему пиры царскіе, не сладки ѣствы лебединыя, не хмѣленъ медъ крѣпкій. Только и думы, что о царицѣ Еленѣ Прекрасной. Глядитъ царь Ахридей на море: что тамъ такое? Чайка-ли бѣлая подлетаетъ, али вѣтромъ парусъ надуваетъ? Нѣтъ! не чайка, а корабль Симеоновъ летитъ на всѣхъ парусахъ, изъ пушечекъ палить, на снастяхъ гудками пѣсни наигрываетъ. Выпала съ берега пушка вѣстовая; бросаютъ съ корабля въ море котву тяжелую, кладутъ хрустальныя сходни на берегъ — идетъ съ корабля царица Елена Прекрасная, словно солнце беззакатное, глаза, что твои звѣзды поднебесныя. Возрадовался тутъ царь Ахридей. «Бѣгите», говоритъ, «мои окольные, столбники, чашники, дворецкіе, сайдачники — палите изъ пушекъ, въ литавры бейте, въ колокола звоните — встрѣчайте царицу Елену Прекрасную!» Всполошились, засуетились, разбѣгались въ царскомъ дворѣ, стелютъ ковры золототканые, растворяютъ ворота широкія, встрѣчаютъ царицу Елену; выходитъ къ ней царь Ахридей, беретъ ее за руку бѣлую, ведетъ въ свои царскіе чертоги. «Будь ты какъ дома», говоритъ, «царица Елена Прекрасная! Дошла объ тебѣ ко мнѣ слава великая, а не чаялъ я увидѣть такой красавицы. Не буду я разлучникомъ съ твоимъ родителемъ: — велишь, отвезутъ тебя на корабль моемъ на твою родину, а захочешь остаться въ царствѣ моемъ — будь ты царицею надъ царствомъ моимъ и надо мною самимъ, царемъ Ахридеемъ!»

Тутъ царица Елена на царя Ахридея такъ посмотрѣла,

что ему показалось будто солнце пляшетъ, мѣсяцъ пѣсни поетъ, а звѣзды въ присядку пошли. Что вамъ далѣе сказывать? Сами вы угадаете, что сердечное дѣло было скорѣхонько слажено, такъ веселымъ пиркомъ да за свадебку,— а вѣдь у царя не пиво варить, не вино курить.

Отправили Симеоновъ къ царю Бузанскому, и написала царевна Елена грамотку. Пишетъ: «родной царь-государь батюшка! Нашла я себѣ жениха по сердцу, по обычаю, и прошу твоего родительскаго благословенія; а женихъ мой, царь Ахридей Агеевичъ, посылаетъ къ тебѣ пословъ, бояръ своихъ, просить тебя на свадьбу пожаловать». И въ тѣ поры, какъ подплывалъ корабль къ Бузанскому острову, на площадь тамошнюю повели богатырей и дружину, что царевну Елену стерегли да не устерегли: велѣлъ имъ Бузанскій царь рубить головы, отъ перваго до послѣдняго. «Стой, не руби!» закричалъ съ корабля седьмой Симеонъ, «вотъ отъ царевны Елены грамотка!» Возрадовался Бузанскій царь, прочелъ грамотку, не велѣлъ дураковъ казнить...—«Видно», говорить, «такъ тому быть было надобно, что царю Ахридею дочь моя суженая, ряженая». Угостилъ онъ пословъ царскихъ и самихъ Симеоновъ, и послалъ съ ними къ дочери свое родительское благословеніе.

Когда приплыли Симеоны обратно къ царю Ахридею, онъ съ царевной Еленою Прекрасною такъ зарадовался, что призывалъ къ себѣ всѣхъ семерыхъ Симеоновъ, и говорить имъ: «спасибо вамъ, мужички мои, земляшцы-работнички! Берите вы у меня серебра-золота, сколько надобно, и просите, чего вамъ захочется—все вамъ даю рукою моею властною! Хотите въ бояре—будьте набольшими боярами; хотите въ

воеводы—дамъ вамъ каждому по городу!»—Тутъ старшій Симеонъ царю Ахридею поклонился и говорить: «царь Ахридей! Люди мы простые, и дѣло наше мужицкое: гдѣ намъ быть у тебя боярами и воеводами! Казны твоей намъ не надобно; есть у насъ поле отцовское—хлѣба будетъ отъ него съ душу, и денегъ будетъ съ нужу. Отпусти насъ, да награди только твоимъ словомъ ласковымъ, а ужъ коли милость твоя такая будетъ, такъ дай намъ грамоту, обѣльную, опасную, тарханную, чтобы земскіе ярыжки твои въ наше поле не вступались, и судьи бы твои насъ не судили, а виноваты мы будемъ—такъ суди ты насъ самъ, царь Ахридей, своимъ царскимъ судомъ-самосудомъ, да ужъ прости и седьмого Симеона за ремесло его—вѣдь не онъ первый, не онъ послѣдній!»—«Будь по вашему!»—сказалъ царь Ахридей—«даю я вамъ мою грамоту тарханную, опасную, обѣльную: судья и земскому ярыжкѣ въ поле ваше не вступаться, а вину вашу сужу я самъ, царь Ахридей, моимъ судомъ-самосудомъ». Велѣлъ царь Ахридей подать по большой чаркѣ зелена вина каждому Симеону, а самъ началъ свадьбу снаряжать, пиры готовить; да и пиры же онъ потомъ задалъ!... Ну, господа честные, на сказкѣ не погнѣвайтесь: что такъ—похвалите, а что не такъ—не осудите. Сказка складка, а слово, что воробей: вылетитъ—не поймашь.

